

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ МЕЖДУ МОЛОТОМ ИДЕОЛОГИИ И НАКОВАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ¹

Г.Л. Тульчинский

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)*

Аннотация: *Статья содержит попытку рассмотрения соотношения политической власти и смысловой картины мира, целью которой является консолидация социума и легитимности власти. Важной частью такой смысловой картины мира (идеологии) является антропологический идеал, формируемый социальными институтами и транслируемый медиа. Ярким примером такого соотношения является советский опыт. На всем протяжении становления и развития советской власти идеологическое обеспечение ее легитимности апеллировало к марксизму. Однако содержание этого учения систематически меняло свой формат и содержание в зависимости от текущих политических задач. Более того, провозглашаемый антропологический идеал советского человека характеризовался ответственной инициативностью, активной жизненной позицией. Однако в реальной социальной жизни практиковались контроль и жесткая регламентация, когда человек с самого детства и до седины не был хозяином своей собственной жизни. В конечном счете, это породило глубоко коренящиеся до наших дней парадоксально сочетающиеся инфантилизм, безответственность, нетерпимость, не договороспособность. Люди оказываются не способными к выстраиванию «горизонтальных» отношений, неспособными решать свои проблемы самостоятельно. Выработана привычка все вопросы – от производственных до личных – решать через вертикаль: с помощью либо жалобы, либо доноса. Анализ осуществлен с позиций прагмасемантического подхода, позволяющего операционально конкретизировать контексты социально-культурных практик, роль личностной субъектности в динамике этих практик. Это открывает перспективу политического инжиниринга, основанного не на абстрактных представлениях и моделях, а на конкретном учете элементной базы каждого социума: от культурно-исторического опыта и реальных проблем до общности интересов социальных сил и акторов, выражения их политической воли.*

Ключевые слова: *власть, идеология, В.И. Ленин, марксизм, прагмасемантика, смысловая картина мира, И.В. Сталин, СССР, субъектность.*

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Введение

Ранее на материале русской дореволюционной и советской литературы, биографиях политиков, деятелей культуры, философов было показано, что в первые два послереволюционные десятилетия сформировалось поколение молодых людей с активной жизненной позицией, принципиально новой для отечественной культуры [Тульчинский 2022а; Тульчинский 2022b; Тульчинский 2022с]. Речь идет о людях, которые полагали, что они знают, как должна и может выглядеть новая жизнь в новом обществе, и они верили в свои силы эту жизнь осуществить. Это поколение, детство которого пришлось на гражданскую войну, юность – на становление советской власти, молодость на индустриализацию, взросление – на Великую войну, пережить которую удалось не всем. Поколение В. Астафьева, Ю. Бондарева, А. Галича, братьев Кассилей, Н. Коржавина, Ю. Нагибина, Б. Окуджавы, Ю. Трифонова, А. Солженицына,

История этого поколения довольно трагична. Провозглашаемый и транслируемый идеал автономной свободной и ответственной личности все больше приходил в противоречие с социально-культурной практикой управления, которая во все большей степени сопровождалась регламентацией. Первое поколение собственно советской молодежи пережило изрядно выкосившие его репрессии. Его потенциал сыграл важную роль в Великой отечественной войне, в 1960-х. Однако, так же как оказался несостоятельным сам советский эксперимент, и советский народ не стал гражданской нацией, так и антропологический идеал в советской картине мира пришел в противоречие с социальной реальностью. Провозглашалась автономная ответственная личность, а реально требовались послушные исполнители.

Каковы тому причины? Почему победившая и транслируемая программа преобразования социума и человека привела к столь неоднозначной трансформации носителей и реализаторов этой программы?

Для ответа этот вопрос используется прагмасемантический подход, с позиций которого главным нервом осмысленного развития социума является взаимодействие социального опыта, аккумулированного в культуре и личностного самосознания, субъектности, способной к освоению различного культурного опыта, его дополнению, изменению [Тульчинский 2022с; Тульчинский 2023]. Прагмасемантика смыслообразования предстает интерфейсом с довольно строгим алгоритмом, который задается контекстами соответствующих социально-культурных практик с ключевой ролью субъектности как источника прокреативной преадаптации системы этих практик, как универсального интерфейса, позволяющего совмещать и порождать новые контексты. Базой для легитимности власти, консолидации социума, общности идентичности является доминирование определенной смысловой картины мира. Прагмасемантический подход позволяет представить этот процесс как каскад интерфейсов (контекстов) смыслообразования, каждый из которых операционализируется как ценностно-регулятивная система, одной из которых выступает политическая власть [Тульчинский 2023] для обоснования влияния на упорядоченные других, претендующая на доминирующую смысловую картину мира.

1. Советская власть и советский марксизм

В данной работе речь идет о трансформации советской власти и ее соотношения с обществом – от ее провозглашения осенью 1917 года до ее кончины осенью-зимой 1991 года. 25 октября (7 ноября) 1917 года в результате вооруженного восстания в Петрограде к власти пришла большевистская фракция РСДРП, которая дальше под названиями РКП(б), ВКП(б), КПСС осуществляла фактически режим однопартийного руководства Россией (СССР) – вплоть до 6 ноября 1991 года, когда деятельность КПСС была прекращена, имущество конфисковано, а вскоре 26 декабря 1991 года прекратил существование и СССР.

Все это время речь шла о власти, позиционирующей себя как реализующей торжество идей ленинизма-сталинизма, как современного извода марксизма. В университетских учебниках этот опыт обозначался как разные стадии социализма, а перспективы – как научный коммунизм. А.А. Зиновьев называл этот социум «реальным коммунизмом» [Зиновьев 1981].

Сущностным содержанием политики, выражающимся во влиянии группы лиц на других людей, принимающих это влияние вынужденно или добровольно, является концепция и практика власти. Власть не может ограничиваться прямым воздействием на поведение людей. Власть можно осуществлять превентивно, предотвращая недовольство и сопротивление – формируя восприятие, знания и предпочтения, чтобы обеспечить принятие власти и ее проявления, поскольку альтернативы им не оказывается, или потому что власть рассматривается как нечто неизменное, естественное и даже полезное [Lukes 2021]. Тем самым, возникновение и удержание любой политической власти предполагает формирование некоей смысловой картины мира, которая объясняет и оправдывает порядки, реализуемые этой властью, которой руководствуются члены данного социума – как в своих действиях, так и в стоящих за ними представлениях о мире, обществе, себе самом, а значит и – стремлениях, надеждах. Такая смысловая картина мира определяет ценностную шкалу, на которой принимаются решения, включая политические – как самой властью, так и ее подопечными. В качестве такой системы ориентиров обычно рассматривается некая идеология, обосновывающая место и роль власти в жизни этого социума.

Доминирование такой смысловой картины мира является базой для легитимности власти, консолидации социума, общности идентичности. При этом, деятельность, связанная с производством определенных способов интерпретации исторической памяти, образа будущего социальной реальности и борьбой за их доминирование [Киселев 2006; Символическая политика. Вып. 1. 2012; Символическая политика. Вып. 2. 2014; Символическая политика. Вып. 3. 2015], связана не только с попытками индоктринации. Это не линейный однонаправленный процесс, а встречное движение, в котором обеспечивается решение проблемы легитимности власти.

Смысловая картина мира многослойна и подвижна, в ее формировании принимают участие не только политический класс, но и гуманитарные науки, система образования, искусство, личный опыт.

Особый интерес представляет роль смысловой картины мира в приходе к власти меньшинства, последующем формировании новой элиты по определенным качествам [Даль 2003]. Н. Талемом предложен очень простой и убедительный мысленный эксперимент, объясняющий приход к власти некоего меньшинства [Талев б/г]. Предположим, мы затеяли вечеринку, званый ужин, и знаем, что в качестве гостей придут едящие только халяль (или кашрут) и едящие всё. Какое будет меню? Почти наверняка – халяльное (кошерное). Получается, что для реализации доминирования меньшинства необходимы три условия: (1) упрощенная картина мира, предлагаемая этим меньшинством; (2) агрессивное неприятие меньшинством любых отклонений от этой упрощенной картины мира; (3) толерантность большинства. Исторических примеров тому множество – приход к власти большевиков только один из них.

Власть реализуется в двух модусах: «власти над» и «власти для». При этом, если последняя может предполагать общее благо, то первая оказывается благом для самой власти, ее носителей, но не для подвластных, что порождает «сущностную спорность» политической власти [Lukes 1991; Ледяев 2001]. В принципе, эти две крайние трактовки, как это обычно бывает с крайностями, не столько взаимоисключающе противостоят, сколько дополняют друг друга, акцентируя внимание на разных стадиях: возникновения и формирования новой власти и ее реализации в более-менее стабильном состоянии социума. Но в любом случае как трактовка, так и соответствующая практика предполагают их обоснование, а значит – соответствующую смыслообразующую интерпретацию. В ленинской трактовке марксизма госу-

дарство есть «организованное насилие», «аппарат насилия в руках господствующего класса». Сталинский вклад в эту практику заключался в усилении классово-борьбы по мере строительства социализма, а значит – усилении практики насилия, организуемого государством.

Большая и важная работа проделана В.П. Макаренко – очень подробно рассмотревшего трансформацию марксизма на этапах освоения этого учения российскими социал-демократами, оформления и борьбы за доминирование ленинской трактовки, ее трансформации в ходе событий 1917 года, Гражданской войны, когда большевики, перехватив лозунги эсеров, фактически возглавили крестьянскую революцию, в ходе установления советской власти, в связи с национальной политикой, НЭПом, отменой выборов 1925 года, последующим Великим переломом – все эти существенные трансформации марксизма-ленинизма в предвоенный и послевоенный периоды, включая эволюцию неомарксизма за рубежом, подробно рассмотрены в этом, очень цельном и емком своеобразном «Кратком курсе истории КПСС», занимающем практически полностью второй том его пятитомника [Макаренко 2021]. В.П. Макаренко очень конкретно прослеживает, как в ходе борьбы за власть, ее удержание большевики и советские коммунисты не ограничивали себя теоретическими и идеологическими рамками, легко отказываясь от одних идей и адаптируя другие, меняя содержания транслируемой политической смысловой картины мира, оправдывающей изменения политического курса.

Уже с самого начала (но чем дальше, тем во все большей степени) цели построения нового справедливого общества в соответствии с марксистским учением не столько определяли содержание политического курса, сколько сами трансформировались, оправдывая политический режим и его динамику. Это проявлялось во внешней и внутренней политике – экономической, национальной, культурной. Процесс сопровождался активным расходом человеческого материала носителей «отработанных» идеологием в виде троцкистов, уклонистов и прочих «врагов народа».

Власть и структуры, ее осуществляющие и поддерживающие, сталкиваясь с реальными проблемами реализации транслируемых целей, нуждались в обеспечении консолидирующей общество собственной легитимности. Оказавшаяся несостоятельной идея перманентной мировой пролетарской революции, победившей в России, трансформировалась в идею построения социализма в отдельно взятой стране. Поэтому практика необходимой консолидации все больше и больше уходила от позитивной конструктивной основы образа будущего, отдаляемого и отдаляемого, в русло самоизоляции и противостояния внешним и внутренним врагам. В условиях самоизоляции легче манипулировать образом внешнего врага, скрывая и переистолковывая внешнеполитическую ситуацию и контакты. И тем более важной становится непрерывная практика выявления, этикетирования врагов внутренних и борьбы с ними. В результате эта практика привела к довольно жесткому расслоению советского общества на правящий класс («внутреннюю партию») вместе с обслуживающими его службами («орденом меченосцев»), с одной стороны, и остальным социумом подданных – с другой. И объединяющим эти два пласта символом оказалась только Победа в Великой отечественной войне, выигранной народом по признанию самого Сталина. Показательно, что этот праздник со временем превратился в главный символ консолидирующей легитимации, а дизайн празднования этой Победы постепенно трансформировался.

2. Ленинизм-сталинизм: сервильность смысловой картины мира

Советский кейс очень нагляден своей динамикой, но аналогичная пластичность свойственна практически любому политическому режиму. Любая концепция, идеология, объясняющая и оправдывающая власть, не самоценна, в том числе – для самой власти. Главное – реализация влияния, обеспечение принятия власти, ее легитимность. И для достижения этой цели может использоваться любая идеология, ее модификации, трансформации.

На недавней конференции в Институте философии РАН, посвященной соотношению ленинизма и сталинизма, Светлана Сергеевна Неретина, как всегда – эмоционально и убедительно, предлагала красивые интерпретации различий этих двух изводов советского марксизма и советской власти. Во-первых – по различным векторам насилия: Ленин – насилие снизу, Сталин – сверху... При всей привлекательности – схема, не соответствующая реальности. Оба опирались на готовность к насилию внизу. У Ленина это были крестьяне с ружьями. У Сталина – те же крестьяне и их дети, умевшие и настроенные к уничтожению не сдающего врага или объявленных врагами. Кроме того, это открывало социальные лифты. За счет чего и подпитывался энтузиазм 1930-х, поубавившийся к их концу. В этом плане, С.С. Неретина не права в источнике, но права по сути. Сталин опирался на новых людей «без имен». И делал это систематически, выкидывая и выкидывая отработанный «именной» материал. Он чтит завет Грозного: людишек надо перебирать... Это понимали, почувствовали и в Политбюро в 1953. Над Берией, Микояном, Молотовым уже нависало... Потому и дали ему помереть в собственной луже.

По сути, С.С. Неретина имела ввиду сказанное выше в этом тексте: власти (и властителям) нужна смысловая картина мира (идеология), но она вторична – ею манипулируют, причем беззастенчиво. И никакой диалектики (или она именно в этом!).

В этой связи тем интереснее другие соображения С.С. Неретиной – например, о необходимости осмысления советской практики управления посредством политических кампаний (в нынешней терминологии – спецопераций, специальных событий) с этикетированием, заданиями показателей борьбы по уровням иерархии, последующей борьбой с перегибами, выкидыванием отработанных исполнителей. Ленин и Сталин, используя эту практику кампаний, меняя лозунги, работали на опережение, используя и создавая хаос, который потом упорядочивали в соответствии со своей волей. А также соображение о необходимости концептуализации идеи любви в политической психологии. Там есть на чем разгуляться: от стокгольмского синдрома и хотящих быть любимыми у Сартра [Сартр 2000] до фанатизма и «человека убежденного» Э. Хоффера [Хоффер 2017].

3. Парадоксальность оснований политологии

Политическая жизнь и политическая теория оперируют достаточно содержательными языками и, пытаясь описать себя, с неизбежностью оказываются противоречивыми. Поэтому любая концепция объяснения «власти для», исходящая из характеристик благополучия социума и его членов, впадает в противоречие, подобное парадоксу множества всех множеств, популярной версией которого является парадокс о брадобрее, который должен брить всех мужчин селения, которые не бреются сами, и должен ли он брить самого себя – если да, то не должен, а если нет, то должен.

В случае несменяемой абсолютной власти или власти как таковой мы сталкиваемся с тождеством «власти над» и «власти для», власти для общего блага и власти как блага для власти. Следствием этого является не только разрастающаяся бюрократия – как «организм-паразит» (К. Маркс), неизбежный для осуществления любой власти и разрастающийся по мере закрепления власти.

Политическая наука оказывается в ситуации сродни ситуации с кризисом оснований математики, когда на упомянутом парадоксе множества всех множеств была показана противоречивость любой содержательной теории, что открыло в основаниях математики дорогу конструктивизму, сводящему теоретически концепты к алгоритмам построения соответствующих объектов. В конечном счете именно такой подход воплотился в алгоритмизации, программируемости, цифровых технологиях, определяющих современную цивилизацию. Похоже, именно в этом ключ разрешения парадоксальности власти, ее «сущностного противоречия» при отождествлении «власти для» и «власти над».

Знакомый юрист рассказывал сцену на остановке автобуса. Пришел автобус, народ начал штурмовать его двери. Один легко одетый человек в расстегнутой га груди рубашке и сапожках стал пробиваться к двери автобуса. В итоге человека 3 или 4 позволили ему пройти в автобус. Тот поднялся по ступенькам и следом за ним вошли эти 3–4 пропустивших его. Последний из них только вступил на первую ступеньку автобуса, вдруг стал пятиться и вышел из автобуса. За ним вышли все 3–4 человека, и последним также задом вышел чудак. Народ смотрел на него, не мог понять, что ему нужно, зачем он вышел, ведь еле протолкнулись в автобус. Тот посмотрел по сторонам, как будто он кого-то высматривает, а затем опять поднялся в автобус, а следом за ним те 3–4 человека. И опять все задом вышли из автобуса и последний чудак. Народ смотрит на него с недоумением, не могут понять его, а он шустро посмотрел по сторонам, на часы. Народ спрашивает: «Вы едете или нет?», он говорит: «Да, конечно», и опять заходит по ступенькам в автобус, а за ним все те 3–4 человека. Автобус стронулся с места, но остановился, двери открылись, видна была толкотня и того чудака вытолкнули из автобуса. Это был психически больной человек. Не догадываясь об этом, народ шел за ним: то поднимался в автобус, то задом выходил из него, повторяя его движения, пока не понял, что это человек ненормальный и не выкинул его из автобуса. А тот никуда и не собирался ехать, ему нужно было показать, что он важный такой человек, с кем-то должен увидеться и куда-то ехать. Коллега часто вспоминал эту сцену, глядя на сферу политики.

Это отличный кейс. Такова вся политика, и политики такие. Когда автор этих строк работал в Институте культуры, там состоялся любопытный спор с заведующим кафедрой управления. Он удивлялся – почему наиболее способные студенты не идут потом на управленческие должности. Возможным объяснением было, что для этого нужно иметь атрофированное нравственное чувство. Управленец принимает решения, которые сказываются на судьбе других людей, которые должны подчиняться его воле. А на это не каждый способен пойти. Но в этом сущность любой власти. С одной стороны, вроде бы, это проявление ответственности – взять на себя некое решение и влиять на других при его осуществлении. А с другой – лишать других самоопределения. Все дело в степени, в балансе...

Поэтому политиков надо уравновешивать, менять, и конечно же, проверять на вменяемость. Иначе потом приходится выбрасывать из опаздывающего автобуса, как того пассажира.

Вся история, весь политический опыт учат, политиков при власти надо менять, чтобы не прикипали к власти. Они все равно будут обещать общее благо, при приходе к власти и первые 2–3 года они будут говорить о лучшей жизни и что-то делать для этого, для реализации каких-то полезных идей. А потом их надо менять. Новые наобещают что-то актуальное и могут даже сделать что-то полезное. А отработанные пусть не дают им спать спокойно, критикуют, ловят на вранье, а сами – придумывали бы что-то еще новое и полезное.

Если этого не происходит, власть укрепляется в роли «власти над», паразитарно разрастается и сталкивается с вырождением человеческого материала политической элиты, что проявляется не только в его устаревании (моральном и физическом), но и в результатах неизбежности отрицательного отбора пополнения карьеристами по критериям верноподданничества. Постоянная борьба за «чистоту рядов» оборачивается «гиперсемиотизацией» поступков, вещей, явлений, в которых видится символизация происков врагов. Следствием всех этих процессов является утрата адекватности ответов на внешние и внутренние вызовы, включая запросы на решение актуальных проблем социума. Такой цикл обычно занимает жизнь 2–3 поколений (75–80 лет).

Для легитимности, для формирования, реализации и удержания власти необходима именно ее содержательная характеристика, роль которой выполняет доминирующая смысловая картина мира, идеология. И тогда понятно, почему революция всегда пожирает своих детей, почему для любой власти (как в рамках государства, так и религии, научной школы) важна не столько борьба с врагами (реальными или выдуманскими), сколько – с инакомысли-

ем, борьба за чистоту рядов, являющаяся борьбой за само существование этой власти. Всякое сомнение в доминирующей смысловой картине мира, предложение иных осмыслений предстает для существующей власти как «семиотическое вредительство» [Архипова, Михайлик 2017].

Такая «смысловая зачистка» может привести к формированию социума, в котором для утверждения власти осмысление не обязательно, где доминирование оказывается самодостаточным, а общество, редуцированное до состояния инфантильной безответственности, готово принять любую предлагаемую смысловую картину мира на прошлое, настоящее и будущее, предлагаемую правящим политическим классом, фактически полностью перекладывая на него ответственность за происходящее, транслируя встречный запрос на «грозность к непокоривым». А личностная субъектность, обеспечивающая во все времена развитие за счет реакции на вызовы веером возможностей действия, прокреативную преадаптацию социума, становится расходным материалом регулятивного механизма власти, что ведет в конечном счете к стагнации социума.

В силу ряда причин, также как оказался несостоятельным сам советский эксперимент, и советский народ не стал гражданской нацией, так и идеал советского человека пришел в противоречие с социальной реальностью. Если в системе образования, искусстве, с высоких трибун, СМИ продвигалась идея инициативный, самостоятельной ответственной личности, то в реальной практике социальной жизни требовались совсем другие качества. Само становление советского режима – и чем дальше, тем все больше – сопровождалось нарастающей регламентацией, неприятием способности именно к автономному ответственному поведению. В художественной литературе, кино, системе образования, системе пропаганды провозглашался свободный творец, тогда как в реальной социальной жизни практиковались контроль и жесткая регламентация, когда человек с самого детства и до седины не был хозяином своей собственной жизни.

Это в конечном счете породило глубоко коренящиеся до наших дней парадоксально сочетающиеся инфантилизм, безответственность и нетерпимость. Люди оказываются неспособными к выстраиванию «горизонтальных» отношений, неспособными решать свои проблемы самостоятельно. Выработана привычка все вопросы – от производственных до личных – решать через вертикаль: с помощью либо жалобы, либо доноса. В этом кроется и удивительная нетерпимостью и недоговороспособность. В спорах – и бизнес, и политики, и в личной жизни играют игры с нулевой суммой: все либо мне, либо тебе. Подготовленные медиаторы – специалисты по посредничеству в решении конфликтов в досудебном формате оказываются невостребованными. И дело не только и не столько в том, что этому противятся адвокаты и судейские, просто сами люди привыкли к решению всех проблем в жанре игр с нулевой суммой.

Заключение

Советский опыт актуален и поучителен. Так, в современной цифровизированной цивилизационной среде власть не только несколько иначе расставляет акценты в выполнении традиционных функций, но и придает им радикально новый формат – например, всеохватной секьюритизации всех сфер общественной жизни, обеспечения безопасности не только военной, но и информационной, экологической, биологической, демографической, экономической, финансовой, пищевой, образовательной. Рассуждения Ж.-П. Сартра, а потом М. Фуко о человеческом бытии как «бытии-под-взглядом» буквально технологически воплощаются в «общество надзора» [Lyon 1994] в духе классической дистопии Е. Замятина. В таком обществе снимается вопрос о динамике смысловой картины мира, образа будущего – дело сводится к технологическому воспроизводству сложившегося порядка.

Современные информационно-коммуникативные технологии в цифровом формате обеспечивают широкий доступ к источникам и каналам информации, открывая возможности

непосредственной презентации и трансляции мнений, оценочных переживаний, эмоционально окрашенных образов. Многообразные практики «отмен», этикетирования, новоявленного буллинга, очень напоминающего советские практики публичного клеймения различного уровня (от собраний октябрят до публичных всесоюзных кампаний и судебных процессов) – суть проявления тренда «гиперсемиотизации», оборачивающейся подавлением субъектности, которая была и остается универсальным интерфейсом смыслообразования – прокреации и преадаптивности, обеспечивающих динамику развития цивилизации [Киященко 2022]. При этом, государство получает исключительные возможности контроля за содержанием этих информационных потоков, их пользователями. Социальная ответственность, ее содержание, институты ее реализации приобретают новое качество, предъявляя новые вызовы и запросы к морали и праву, каждой личности.

В этой связи особую роль играют два фактора. Во-первых, история становления власти и формирования соответствующей политической культуры. В этом процессе ключевую роль играет не просто некая сложившаяся культура, предопределяющая все последующее развитие общества в духе концепции *culture matters* [Харрисон, Хантингтон 2002], а именно траектория, этапы становления конкретного социума (*history matters*), которые его культуру формируют и иногда меняют. А это уже не отнесение к некоей категории (множеству), не этикетирование, а конкретное шаг за шагом прослеживание становления социума, а значит – и возможности его дальнейшего развития. Такой подход уже проявляется в социальных науках, включая экономику и политологию. Стало понятно, что главный интерес представляет не просто необходимость социальных институтов, а проблема их возникновения и развития, если не выращивания [Асемоглу, Робинсон 2015; Бергер, Лукман 1995; Норт, Уоллис, Вайнгафт 2011]. Но существенной проблемой была и остается прагмасемантическая синхронизация динамики контекстов политического режима.

Тем самым, в политической теории необходим переход от оперирования общими абстракциями к конструктивному пониманию процессуальности и операциональности политики применительно к конкретным социумам с учетом их актуальных проблем и исторического опыта. Данная тематика приобретает нетривиальное значение в наши дни с появлением цифровых форматов ценностно-регулятивных систем в управлении, бизнесе, науке, образовании, искусстве, личной жизни. Социальная ответственность, ее содержание, институты ее реализации приобретают новое качество, предъявляя новые вызовы и запросы к морали и праву, каждой личности.

Речь идет о нынешнем интенсивном общецивилизационном процессе столкновения смысловых картин мира, латуровской пересборки социально-культурных практик, что требует, особенно применительно к политической сфере инжиниринга, основанного не на абстрактных представлениях и моделях, а на конкретном учете элементной базы каждого социума: от культурно-исторического опыта и реальных проблем до общности интересов социальных сил и акторов, выражения их политической воли.

Архипова А., Михайлик Е. 2017. Опасные знаки и советские вещи. – *Новое литературное обозрение*. – № 143 (1). – С. 130–153.

Асемоглу Д., Робинсон Д.А. 2015. *Экономические истоки диктатуры и демократии*. – М.: ИД ВШЭ. – 512 с.

Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности*. – М.: Academia, Медиум. – 323 с.

Даль Р. 2003. *Демократия и ее критики*. – М.: РОССПЭН. – 576 с.

Зиновьев А.А. 1981. *Коммунизм как реальность*. – L'Âge d'Homme.

- Киселев К.В. 2006. *Символическая политика: власть vs. общество*. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи». – 132 с.
- Киященко Л.П. (отв.ред) 2022. *Человек как открытая целостность: коллективная монография*. – Новосибирск: Академиздат. – 530 с.
- Ледаев В.Г. 2001. *Власть: концептуальный анализ*. – Москва: РОССПЭН. – 384 с.
- Макаренко В.П. 2021. *Собрание сочинений: в 5 т.* – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. Том 2. – 661 с.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. – М.: Ин-т Гайдара. – 480 с.
- Сартр Ж.П. 2000. *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии*. – М.: Республика. – 640 с.
- Символическая политика... 2012. *Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс* (Отв. ред. О.Ю. Малинова). – М.: ИНИОН РАН. – 334 с.
- Символическая политика... 2014. *Символическая политика. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего* (Гл. ред. Малинова О.Ю.). – М.: ИНИОН РАН. – 382 с.
- Символическая политика... 2015. *Символическая политика. Вып. 3: Политические функции мифов*. (Гл. ред. Малинова О.Ю.). – М.: ИНИОН РАН. – 372 с.
- Талёб Н. б/г. *Побеждает наименее толерантный: Как работает диктатура меньшинства*. – Доступно: <https://ru.insider.pro/opinion/2016-08-16/kak-rabotaet-diktatura-menshinstva/>. – Проверено: 09.11.2023.
- Тульчинский Г.Л. 2022а. Мальчик был: источники и судьба советского антропологического идеала. – *СССР в достижениях и катастрофах. Размышления по случаю 100-летия*. – М.: Голос. – С. 53–79.
- Тульчинский Г.Л. 2022б. А был ли мальчик? О судьбе советского антропологического идеала. – *Наследие*. – № 1(20). – С. 59–69.
- Тульчинский Г.Л. 2022с. Советский антропологический идеал: факторы смыслообразования и судьба (Соотношение контекстов художественной культуры и социальной практики). – *МЕТОД: московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд.* – Вып. 12. – Т. 2, № 2 / под ред. М.В. Ильина. – М.: ИНИОН РАН. – 188 с.
- Тульчинский Г.Л. 2023. Смыслообразование и власть, или Политическая прагмасемантика. – *Политическая наука*. – № 3. – С. 151–169.
- Харрисон Л., Хантингтон С. (ред.) 2002. *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу*. – М.: МШПИ. – 320 с.
- Хоффер Э. 2017. *Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения*. – М.: Альпина Паблишер. – 200 с.
- Lukes S. 1991. *Moral Conflict and Politics*. – Oxford: Clarendon Press. – 324 p.
- Lukes S. 2021. *Power: A Radical View*. 3rd ed. – Basingstoke, Palgrave Macmillan. – 204 p.
- Lyon D. 1994. *The electronic eye: the rise of surveillance society*. – Minneapolis: University of Minnesota Press. – 290 p.